

Ши Сюй не понимала.

В тот год, когда она покинула этот мир, повсюду еще были раскладные телефоны. Теперь же сенсорные экраны во всю переднюю панель радовали прекрасной плавностью, разблокировка по лицу работала очень удобно, да и найти кого-нибудь в интернете не составляло никакого труда.

Результаты поисковой выдачи по Шэнь Тяньцин пролистывались бесконечно. У других знаменитостей то и дело всплывали какие-то связи, в то время как колонка о личной жизни Шэнь Тяньцин была абсолютно пуста — не было даже ни одного официально подтвержденного романа.

Ши Сюй не понимала, почему Шэнь Тяньцин так заиклилась на ней.

Больничная палата располагалась на сороковых с лишним этажах, откуда открывался вид на высотки за окном. Это по-прежнему был город С., но помимо достопримечательностей, многое здесь изменилось.

Зима выдалась холодной, однако внутри царило тепло. Ши Сюй носила больничную пижаму и каждый день проходила курс реабилитации для рук. Восстановление шло быстрее, чем прежде, и за это время её даже навещали артисты из той же компании.

В памяти Мэн Хэн не было и следа близких друзей — в основном все они отличались поверхностным, пластмассовым дружелюбием, а дежурные любезности неизменно сопровождались скрытым зондированием почвы: не иначе как хотели узнать, держит ли её всё еще богатый покровитель?

Тот факт, что спонсором Мэн Хэн являлась Шэнь Тяньцин, держался в строжайшем секрете.

Хотя многие артисты подписывали контракты с агентством, компания не вмешивалась в их личный выбор. Яо Фанфан как-то рассказывала, что у одной актрисы вообще было сразу несколько покровителей: пока это не всплывало наружу, всё шло хорошо, но стоило тайному стать явным — и ждала верная гибель.

Тем не менее короткий путь к успеху выглядел до того соблазнительно, что всегда находились те, кто бросался в огонь, словно мотыльки на пламя.

Находясь в больнице, Ши Сюй восполнила пробелы в знаниях об изменившемся пространстве и пересмотрела немало фильмов с участием Шэнь Тяньцин. В её душе всё еще жил застрявший в воспоминаниях образ — ей казалось, что та по-прежнему оставалась застенчивой, молчаливой девчонкой.

Завтра её наконец должны были выписать, но делать было по-прежнему нечего, и Ши Сюй

попросила Яо Фанфан раздобыть для неё какой-нибудь контент. В конце концов, на энциклопедических сайтах было слишком много запросов вроде: «Побег в HD без цензуры», «Куплю за большие деньги полную версию Побег», «Срочно!!! Нужно сдавать домашку! Есть ли в Побеге сцена, где главная героиня размахивает хлыстом, поделитесь пожалуйста», — что невольно пробудило у неё любопытство.

Но когда Ши Сюй и впрямь увидела этот откровенный фильм, полный жутковатой эстетики насилия, её всё же слегка оттолкнуло.

Картина оказалась не только смелой, но и дикой, а главная актриса — до умопомрачения красивой. Яо Фанфан умудрилась достать коллекционное DVD-издание, и теперь они вдвоем, пользуясь тем, что в студии шло совещание, тайком смотрели в больничной палате фильм для взрослых, снятый их покровительницей.

Яо Фанфан тряслась от страха, до смерти боясь схлопотать дисциплинарное взыскание от менеджера.

А вот Ши Сюй, сама затеявшая эту авантюру, смотрела с исключительной сосредоточенностью. Падение с большой высоты оставило на ней след — она казалось заметно исхудавшей, словно от такого жесткого падения из неё выветрилась вся прежняя растерянность. Каждый раз, когда Яо Фанфан встречалась с ней взглядом, ей становилось не по себе: казалось, в этих глазах таилась какая-то необъяснимая магия.

— Сяо Хэн, как тебе? Подруга привезла с учебы из-за границы, мне стоило огромных трудов уговорить её дать мне его поносить.

— Я потом компенсирую тебе расходы, — ответила Ши Сюй.

Яо Фанфан была ужасной скрягой, и всякий раз, когда ей доводилось бегать по поручениям Ши Сюй, эта черта проявлялась во всей красе. Впрочем, она прекрасно понимала, что её подопечная вовсе не купается в деньгах: хотя Шэнь Тяньцин и закрыла последние долги Мэн Хэн, у той осталась целая свора родственников-кровопийц.

Оборудование в палате стояло прекрасное, и Ши Сюй, не включая внешние динамики, подключила беспроводные наушники. На экране разворачивался сюжет в жанре городского детектива: история любви между студенткой, которая на самом деле была тайным агентом, и светской дамой, скрывавшей под маской благопристойности ту же профессию.

На романтику это походило мало. В силу специфики ленты здесь не было той суматошной спешки, что свойственна обычным фильмам для взрослых, зато природа и фактура кадра радовали глаз, а декорации отличались безупречным качеством.

Яо Фанфан была наслышана об этой картине, но до сих пор её не видела. Ей одновременно было любопытно и жутковато, поэтому она то и дело издавала изумленные возгласы и бросала

взгляды на Ши Сюй.

Однако обнаружилось, что её артистка сидит с совершенно бесстрастным лицом и смотрит фильм со всей серьезностью.

Особенно когда дело дошло до интимной сцены между главными героями. С художественной точки зрения всё было обставлено невероятно красиво и даже немного смущающе, но её собеседница умудрилась сладко зевнуть.

«Вот это стимул, блин!!! Я аж говорить разучилась», — мысленно ужаснулась Яо Фанфан.

Ши Сюй же анализировала ленту с точки зрения работы со светом и ракурсов. Сама она профессионалом не была, но хозяйка тела в одном из прошлых пространств оказалась режиссером, так что она успела немало в этом преуспеть.

Женские стоны звучали чертовски соблазнительно, заставив стопроцентную гетеросексуалку Ши Сюй невольно усмехнуться. Мужчина тоже отличался красивой внешностью; бросалась в глаза заметная разница в возрасте, придававшая ему даже некий налет наивности. Ши Сюй сочла, что актера подобрали отлично, а визуальный ряд заслуживает высшего балла.

Заметив боковым зрением, что Яо Фанфан смотрит на нее с немым вопросом на устах, она только собралась заговорить, как дверь распахнулась.

Первой вошла женщина в длинном повседневном тренче. Ее длинные волосы были заколоты за ушами жемчужной заколкой, открывая необычайное лицо.

Необыкновенно красивое, приковывающее взгляд — такое лицо заставляло оглянуться во второй раз.

Ши Сюй невольно подняла глаза. Та наклонила голову и протянула:

— И правда, зрение вернулось?

Яо Фанфан вскочила так резко, будто увидела призрак; попкорн из опрокинутой чашки разлетелся по полу, а руки лихорадочно принялись шарить в поисках пульта.

Ее испуг был виден невооруженным глазом, и Ши Сюй едва заметно поморщилась. Дверь оставалась приоткрытой, и коридорный сквозняк доносил прохладу — входившая женщина выглядела вызывающе, а следовавшая за ней ассистентка застыла на пороге, ошеломленно уставившись на экран.

Фильм как раз достиг кульминации: крупные планы дышали страстью, а у женщины на глазах

от запредельного наслаждения выступали слезы, придавая ее лицу еще больше яркой притягательности.

— Решила пересмотреть мои фильмы?

Этот голос вихрем пронесся в ушах Ши Сюй в тот самый день, когда она только вернулась в этот мир. Теперь же, услышав его вновь, она поймала себя на том, что больше не в силах вспомнить прежнюю Шэнь Тяньцин.

Она просто смотрела на нее.

Ши Сюй не знала, во что была одета Шэнь Тяньцин в день ее возвращения, но теперь она отчетливо понимала: нынешняя Шэнь Тяньцин не имела ничего общего с той девочкой из ее смутных воспоминаний.

Она выросла и сильно изменилась.

Если бы не подсказка извне, Ши Сюй ни за что не связала бы ее с той незнакомкой из прошлого.

Пожалуй, из-за того, что взгляд Ши Сюй был совершенно не смущенным, Шэнь Тяньцин повернулась к ней. У нее были миндалевидные глаза, которые в детстве казались круглыми и невероятно забавными.

Когда черты лица сформировались окончательно, в них все еще угадывалась мягкость, но из-за характера и выражений во взгляде теперь читалась лишь скрытая агрессия. Эта агрессия не была острой, но в ней чувствовался стержень — даже несмотря на то, что сама Шэнь Тяньцин казалась очень худой, а силуэт под распахнутым пальто создавал впечатление хрупкости.

— Остолбенела?

Шэнь Тяньцин тихо усмехнулась, а стоявшая рядом Тао И уже вернула себе привычное выражение лица.

Яо Фанфан наконец нащупала пульт и только собралась нажать кнопку выключения, как Шэнь Тяньцин подошла ближе и перехватила его:

— Не надо, продолжайте смотреть.

С появлением Шэнь Тяньцин атмосфера в комнате мгновенно сковало льдом. Иными словами, находившиеся здесь люди ее попросту боялись и общество ее не жаловали.

Перефразируя: этот человек явно не пользовался любовью окружающих.

Впрочем, Шэнь Тяньцин давно к этому привыкла. В детстве она была всеобщей любимицей, но, к несчастью, в первой половине ее жизненного пути на дороге появился бульдозер, безжалостно снесший ту тропинку, по которой она должна была продолжать собирать чужие симпатии.

Она сменила курс, и теперь ее палец коснулся переносицы Ши Сюй, плавно скользнув вниз и машинально очерчивая черты ее лица.

— Выглядишь неплохо, и раны все зажили. Её движения были нежными, а жар кончиков пальцев обжигал лицо Ши Сюй, будто пропитанный выдержанным крепким алкоголем, от которого Ши Сюй пришлось закрыть глаза.

Тао И закрыла дверь, и в коридоре Яо Фанфан осторожно спросила её:

— Помощник Тао, с чего это режиссёр Шэнь вдруг пришла сюда?

В уголках её рта еще оставались крошки попкорна, и даже по скромному опыту Тао И в сфере управления искусством было очевидно, что качество людей в этой команде оставляет желать лучшего.

Тао И поправила очки:

— Разве режиссёру Шэнь нужна причина, чтобы куда-то прийти?

Яо Фанфан поперхнулась от такого ответа.

Это лицо выглядело целым и невредимым, настроение Шэнь Тяньцин значительно улучшилось, к тому же собеседница проявила понятливость и закрыла глаза, так что остатки раздражения в душе Шэнь Тяньцин тоже рассеялись.

Это действительно была спонтанная поездка: полчаса назад Шэнь Тяньцин ещё ругалась с кем-то на совещании в Мелон Энтэтейнмент.

Ли Чи просил её вести себя чуточку сдержаннее:

— Ресурсов, которые ты отписала Мэн Хэн, и так слишком много, ты с одной стороны не позволяешь другим копаться в том, чья она ставленница, а с другой — продолжаешь вливать деньги в её раскрутку, мне очень трудно сохранять лицо перед людьми.

Шэнь Тяньцин привыкла действовать самовольно, а Мэн Хэн была суррогатом, которого она с таким трудом отыскала, причём обладала стойким ароматом обретенного заново утраченного, так что Шэнь Тяньцин решила уделить ей чуть больше внимания.

— С чего тебе вдруг становится трудно перед людьми? Я, Шэнь Тяньцин, кого хочу продвигать, того и продвигаю.

Ли Чи была её бизнес-партнёром и многолетним продюсером её картин, прекрасно зная о транжирстве Шэнь Тяньцин. Каждый раз при сверке бюджетов фильмов у неё было такое лицо, будто сердце разрывается от боли; в юном возрасте она уже приобрела черты лица заправской скряги, но детей родила рано, и дома больше никто не подгонял.

— Разве раньше ты её продвигала? Разве не говорила, что хватит и бросить пару подачек? Что такое, неужели и правда влюбилась?

Именно эти слова задели Шэнь Тяньцин. Ли Чи тоже отличалась языком без костей, и все присутствующие на совещании прекрасно знали, что привязанности Шэнь Тяньцин не запятнаны ничем плотским — все они были лишь проявлением холодного переноса чувств.

Лицо Шэнь Тяньцин мгновенно помрачнело. Янь Муюй, заглянувшая ради чашечки кофе и с воодушевлением наблюдавшая за чужой грызней, никак не ожидала, что дело дойдёт до реальной ссоры, поэтому отложила телефон и попыталась урезонить их несколькими словами:

— Ли Чи, побереги нервы. Она же изначально всё решает сама, ну хорошо она относится к этой Мэн Хэн — и ладно, в чём проблема? Мэн Хэн ведь не убытки приносит.

Ли Чи фыркнула:

— Она вообще вздумала засунуть Мэн Хэн в шоу! Сама по себе идея ничего так, но ведь состав участников уже утверждён, я слышала, на следующей неделе уже запускают продвижение, а тут ты мне устраиваешь такое.

Янь Муюй занималась фотографией, у её семьи тоже водились деньги, к тому же она была однокурсницей Ли Чи. Переквалифицировавшись из менеджера в фотографы, она прекрасно разбиралась во всех закулисных делах индустрии.

— И в этом нет ничего страшного, просто втиснуть человека, — она имела долю в компании, но делами особо не занималась, как вдруг вспомнила одну деталь: — Подождите-ка, а какое именно шоу? Случайно, не то, что продюсирует мой второй братец?

Ли Чи кивнула.

Шэнь Тяньцин, держа в руках чашку с кофе, холодно усмехнулась:

— У меня что, даже на это прав нет?

Янь Муюй протянула:

— Ну так это проще простого, пусть теперь это дело пройдёт через мои руки.

Сказав это, она вышла, чтобы сделать телефонный звонок.

Шэнь Тяньцин кипела от злости. Ли Чи была её старой знакомой и лучше всех знала, как больнее всего задеть её за живое, они столько лет пилили друг друга подобным образом.

У тебя есть белая луна, о которой нельзя говорить, у меня — незаживающая родинка, которую нельзя упоминать, но при каждом разногласии их вытаскивали наружу, чтобы уколоть друг друга — типичное соперничество, где восточный ветер одолевает западный.

Шэнь Тяньцин совершенно не прислушивалась к тому, о чём Янь Муюй расспрашивала по телефону, и просто ушла сама.

Она уже давно не видела взятую под опеку молодую актрису. В последнее время Тань Тань сидела дома, говорить с ней было особо не о чем, их отношения носили заурядный характер, и Шэнь Тяньцин прекрасно понимала, что её чувства к Тань Тань никакого отношения не имеют.

Строго говоря, саму эту судьбоносную встречу всё же помогла устроить Тань Тань.

Тем не менее... Ши Сюй тогда пришлось так тяжело, и вины Тань Тань в этом избежать тоже не удастся.

Раньше действовало правило: долги матери выплачивает сын, но её собственное преисполненное чистейшего благородства стремление отплатить за сестру в общении с Ши Сюй стремительно мутировало, превратившись в совершенно иную жажду.

Только вот будущего у этого не было. Человеку крайне сложно полностью вытравить из памяти пережитое, и когда семья собирается вместе, разговоры неизбежно заходят об личной жизни.

Родители давно привыкли к упрямству Шэнь Тяньцин, старший и второй братья тоже не пытались сватать ей пару, и все домочадцы молчаливо обходили стороной тему романтических отношений.

Они боялись, что Шэнь Тяньцин снова сорвётся и либо действительно последует за ветром и водой, уйдя вслед за Ши Сюй.

Подобная бережность тоже по-своему мучительна, и после возвращения Тань Тань в страну тоска Шэнь Тяньцин по Ши Сюй словно заново исторгла из сердца капли крови.

Она так сильно скучала по ней.

В лифте, когда Тао И спросила, едет ли она домой, Шэнь Тяньцин глубоко вздохнула, вспомнив про Мэн Хэн.

То лицо, что было так похоже на Ши Сюй.

Посмотреть — и то хорошо.

Только вот от созерцания на сердце становилось ещё тоскливее.

Ши Сюй чувствовала, как хватка Шэнь Тяньцин становится всё крепче. Она открыла глаза и неожиданно столкнулась взглядом с той.

В результате она погрузилась в глаза, подёрнутые влажной пеленой, в которых читались яростная ненависть и ещё какие-то чувства, злые и беспощадные.

Шэнь Тяньцин разжала пальцы:

— Я разве разрешала тебе открывать глаза?

Ши Сюй почувствовала лёгкую досаду: что за ролевые игры в госпожу и служанку, просто психопатка.

— Прости.

Характер Мэн Хэн перед Шэнь Тяньцин был робким и запуганным, изображала она это крайне небрежно — так, лишь бы шевельнуть губами.

Шэнь Тяньцин, разумеется, чувствовала перемены в этом человеке.

Она списывала всё на отдалённые последствия падения с высоты: после слепоты зрение вернулось, и люди становятся смелее.

Она вспомнила слова Ли Чи:

— Говорю тебе, не заиграйся так, чтобы всё рухнуло, как человек может вкладываться, ничего не желая получить взамен?

Получить?

Всё, чего она хотела получить — это Ши Сюй, но та женщина умерла, превратилась в пепел, и её не сыскать ни на небесах, ни на земле.

Даже за столько лет ей ни разу не приснилась.

До чего же безжалостной оказалась Ши Сюй: когда они вместе снимались в кино, она вела себя с ней холодно и отстраненно, но в силу характера всё же не могла бросить её и продолжала о ней заботиться.

Шэнь Тяньцин увязла в этой нежности, похожей на зыбучие пески, никак не ожидая, что будет заточена в ней до конца своих дней.

Она смотрела в эти глаза: у Мэн Хэн и впрямь была отличная внешность.

Миндалевидные глаза с чуть приподнятыми внешними уголками, даже естественная форма бровей без макияжа была безупречной.

Вот только обычно от неё было слишком скучно.

Непонятно почему, но сейчас она вдруг вспомнила взгляд Ши Сюй.

Такой безмятежный, словно стоячая вода, но в то же время таящий в себе огромную опасность, затягивая тебя в водоворот прежде, чем ты успеешь опомниться.

Она заманивает тебя в ловушку.

Шэнь Тяньцин охватила беспричинная злость, она внезапно подалась вперёд и прикусила губу собеседницы.

Ши Сюй морщилась от боли, но слышала голос Шэнь Тяньцин, которая, судя по всему, изо всех сил старалась обуздать бушующие чувства, сжав зубы и выговаривая каждое слово:

— Не смей смотреть на меня так, у дублёрши должно быть осознание того, что она всего лишь замена.

Её собственные губы тоже обагрились кровью, и в воздухе разлилось беспричинное отчаяние. Ши Сюй только попыталась стереть кровь со своих губ, как та крепко сжала её подбородок, заставляя задрать голову вверх.

— Я устроила тебе участие в шоу, только посмей меня опозорить.

<http://bllate.org/book/21030/2138497>